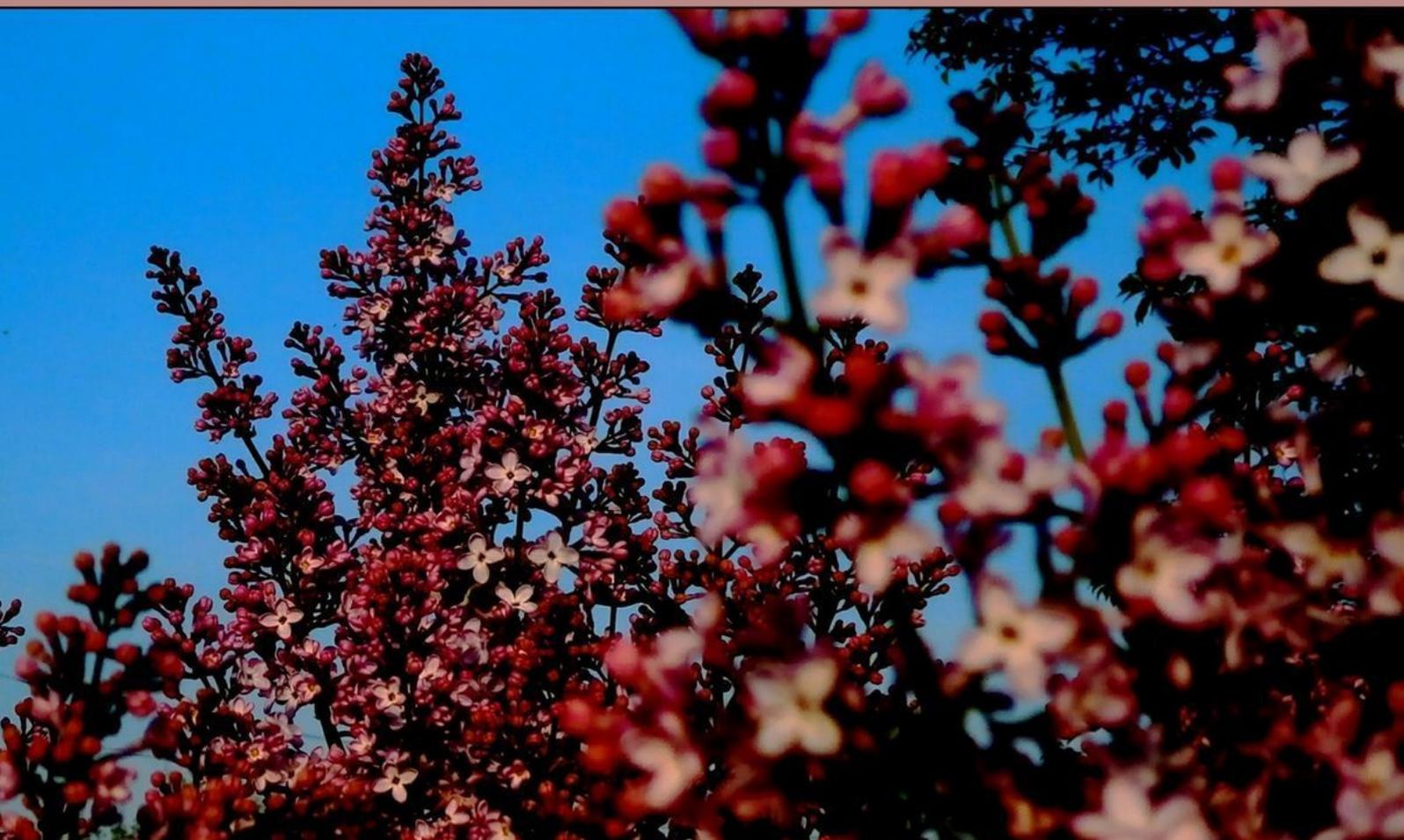

Александра Глазкина

*Вечер пахнет
сиренью*

Миниатюры и рассказы

Александра Глазкина

**Вечер пахнет сиренью.
Миниатюры и рассказы**

«Издательские решения»

Глазкина А.

Вечер пахнет сиренью. Миниатюры и рассказы / А. Глазкина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852972-6

С годами приходит умение испытывать ностальгию, но без привкуса горечи, без сожаления о неотвратимости времени. Все мгновения детства живы, пересыпаны лавандой в дальних шкафах памяти и терпеливо ждут своего часа. Стоит услышать знакомую мелодию, уловить запах сирени, наткнуться на старую игрушку, и ты опять становишься ребенком, душа которого переполнена ощущением чуда и верой, что весь мир на ладони. Но теперь тебе еще дан волшебный дар — облекать воспоминания в слова.

ISBN 978-5-44-852972-6

© Глазкина А.
© Издательские решения

Содержание

Абрикосовое	6
Любопытство	7
Есть такие люди...	8
Семейное древо	9
Зазеркалье	10
Равновесие	11
Старый город	12
Там, на неведомых дорожках...	13
К бабушке	14
Улица моего детства	15
Заклинание ветра	16
Волнение	17
Июльское	18
В своей стихии	19
Дети ночи	20
Яблочное	21
Возвращение в тишину	22
У самой воды	23
Ловец снов	24
Птица	25
Сплетение	26
Шкатулка памяти	27
Узорные фантазии	28
Качели	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Вечер пахнет сиренью

Миниатюры и рассказы

Александра Глазкина

© Александра Глазкина, 2018

ISBN 978-5-4485-2972-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Истории приходят по-разному. Одни, шелковой паутинкой выскальзывая из только что сбежавшего сновидения, незаметно и вкрадчиво вплетаются узором в мысли и настроения дня. Они тихи, ласковы и ненавязчивы. То зазвучат птичьим переливом, то затихнут. Рисуют картинку и образы солнечными лучами на кружевной занавеске. Покорно и терпеливо ждут подходящих слов.

Другие обрушиваются лавиной, волной, наваждением, сметая все на своем пути. Они не позволят повернуться к ним спиной и начать ритуальный танец повседневности. Нет, они хватают, душат, бережат. Пока не уступишь страстному велению, не бросишь все, не выключишься из ритма и не возьмешь в руки тетрадь. Вот тогда они польются, не встречая преград. И будут слезы, любовь, приключения, отблески костров в ночной степи и ослепительное мерцание незнакомых созвездий.

Ты – только сейчас, только так. Морок, напасть, золотистое покрывало, долгий-долгий взгляд в двери мира, которые открываются только для тебя и тобой. Пока не будет дописано последнее слово.

И потом поднимаешь глаза, видишь нестертую пыль на книжной полке, брошенную на пол игрушку, знакомый узор обоев. И выпускаешь в себя шорохи, вздохи и смешки родного дома. И думаешь с удивлением и восторгом: что это было? И куда ушло? Тут же спохватываешься с облегчением. Вот оно, тайные знаки, священные письмена, неведомые руны. Заклинание вечности и обещание райского блаженства, запечатленные синей шариковой ручкой в обычной тетрадке в клеточку...

Но все истории, как бы они ни приходили, хотят быть рассказанными и услышанными...

Абрикосовое

Рдяные абрикосы подставляют бочка солнцу и, как все рыжие, мгновенно покрываются веснушками. Поймав прохожих на том, что они невольно замедляют шаг и задирают головы, понимаю – пора избавить их от соблазна! За неимением лестницы урожай с веток сбиваю тяпкой и пару раз получаю тугими шариками по лбу. Видимо, дерево сердится, что я так небрежно обхожусь с ее любовно возвращенными плодами.

Под спасительной прохладой увитой цветами беседки начинается действие. Все липкое и сладкое: мои пальцы; подол сарафана, в который я собирала паданки; дочкины щеки (по устойчивой детской традиции фрукты попадают больше в рот, чем в чашку). Косточки охотно выскальзывают из медово-прозрачной мякоти, предвкушая момент своего триумфа, когда, высушенные, станут материалом для поделок. Но пока не до них.

Тягучую массу перетираем и щедро смешиваем с сахаром, и вот, после ночи сладких снов, где еще свежи воспоминания о знойных закатах и веселом раскачивании в лазурной вышине, бывшие фрукты становятся вареньем. Дом наполняется восхитительным ароматом, а рот – слюной. Пропитываясь абрикосовым волшебством, все становится звонким, прозрачным, золотистым. Скачут блики по зеркалам; загораются веселые искорки в глазах домашних; нежно дзинькают хрустальные пиалы, споря, кому из них достанется честь принять в свои недра свежесваренную массу.

Солнце, оценив фронт работ на опустевшем дереве, сдает вахту дождику, и нас опять балуют радугой, пусть всего на миг. Как ни странно, в радуге ярче всего проступает именно оранжевая полоса. И хмарь за окном не страшна, когда в доме разливают по банкам, смешивают с творогом и намазывают на еще теплый свежий хлеб солнечно-рыжую сладость.

Любопытство

Сначала оно таится где-то на кончике языка и пальцев. Мир познается через фактуры: шероховатость ковра, прохладная гладкость листвы, тепло маминых рук. Круглое, мягкое, яркое, тяжелое. Разнообразие явлений и предметов, звуков, запахов и красок. Мир вокруг меня.

Потом любопытство плавно перетекает в ноги. Подняться, пробежать, забраться. Ступеньки и лестницы, запретные двери и небоскребы-горки на детской площадке. Смогу ли? Получится ли? А что будет? Я в мире.

И вот уже любопытство сосредоточено где-то в области сердца с легкой отдачей в голову. А если я заплачу, обнимут меня или рассердятся? А если я попрошу, согласятся или откажут? В многогранность ощущений вплетаются новые нотки – мелодия человеческого общения. Любопытство внезапно может стать стрелой, направленной прямо в сердце при виде незнакомых глаз. Или, напротив, распахнуться парашютом над морем веселой компании. Я среди людей.

И какое же счастье, восторг и удивление, когда приходит новая вариация любопытства, пульсирующая в районе облачного сплетения, направленная на внутренний космос. Кто я? Зачем я в этом мире? Бесконечное познание, ларцы с драгоценностями эмоций, чувств и ощущений. Я – наедине с собой.

Есть такие люди...

Есть такие люди, чей путь легок и звенящ. Они являют себя миру, и не боятся того, каким обернется мир для них. Они не медлят задавать вопросы и не отрицают ответы. Карманы их набиты историями, золочеными орехами, улыбками, фантиками и придорожными камушками, каждый из которых – сокровище. В глазах плещутся волны позабытых морей, чьи берега покинуты давно, но без сожаления. Когда они просыпаются, вчерашние сны, незаметно, золотистыми прядями, вплетаются в их спутанные волосы, чтобы при каждом повороте головы обещать неведомое. Они щедро делятся своими находками, с радостью соглашаются на чаепитие под тенью раскидистых яблонь в старом саду. Но всегда уходят, не оглядываясь и не закрывая за собой калитку...

Есть такие люди, которые растягивают пеструю сеть в надежде поймать придорожные песни; код заклęcia, открывающего вход в пещеру с сокровищами или просто чей-то шепот у костра. Они завешивают окна золотистыми шторами, чтобы даже самый серый свет, проходя сквозь плетение нитей, обещал лето и тепло. Они хранят в своей библиотеке потемневшие от времени книги, написанные на всех языках сразу, но никогда не открывают их. Достаточно провести ладонью по ветхому корешку, чтобы зазвучало, пролилось, заморозило. Свои сны они охотно обменивают на пуговичные бусы и завтрашние новости, а тесто для пирогов замешивают на слезах. Они накрывают стол для чаепития под тенью раскидистых яблонь в старом саду. А потом, тихонько вздыхая, закрывают скрипучую калитку за теми, кто ушел и унес с собой цветы их сердца...

Есть такие люди, которым никогда не надоедает слушать чужие истории и, перекраивая их, создавать свои, собственные. Или извлекать эти истории из глубин своей памяти и воображения. Которые любые эмоции, мысли, события, впечатления стремятся скорее облечь в оболочку слов, чтобы мир вымышленный стал сильнее, глубже, ярче, чем мир реальный. Такие люди, если и решат пускаться в путь, то даже не понимают, к какому горизонту направить шаги. Потому что и дорога для них – это всего лишь другая форма воображения...

Семейное древо

У меня, а теперь и у моей дочки – бабушкины глаза пронзительной синевы. В горле стоят чужие песнопения, слов которых я не знаю, только бродит мотив волнами, щекочет. Я совершенно тем же маминым жестом прижимаю к себе русую голову своего ребенка. И роспись становится похожей – те же плавные линии, тот же завиток. Я всматриваюсь в старые, пожелтевшие фотографии, и вижу жесты, взгляды, повороты головы. Вижу в глазах те же мечты и разочарования, несмелые надежды и уверенность, стойкость и смиренность.

Я – не только я. Я – все, что было до меня и все, что будет после. Прорастает дерево, закрывая небо, и так хочется опрокинуться в это зелено-голубое, а теперь – и золотисто-осеннее, чтобы вспомнить и забыть. Как уходили на войну и как ждали. Как строили дом и собирали вещи для переезда. Как рожали детей и оплакивали ушедших. Тягучее, звенящее, взлетающее и укутывающее. Я – часть рода. Во мне – все имена и все слова, все песни и слезы, все средоточие мира.

Я чувствую ногами твердую опору, голову мою кружит от горьковатого ветра. А в сердце бьется, стучит, пульсирует время. Оно не уходит и не исчезает, оно остается в памяти и, как семейный оберег, передается дальше. Каждое утро из зеркала глядят на меня бабушкины глаза пронзительной синевы...

Зазеркалье

Что происходит с зеркалами? Почему они бунтуют и являют нам непонятных близнецов? Вроде бы и черты лица, и жесты знакомые, но какое разительное отличие! Вместо легкомысленных косичек – спутанные пряди, в которых пробивается седина. Вместо нежного румянца – зеленоватую бледность. Вместо яркой синевы глаз – тусклая серость ноябрьского неба. Где прыгучесть и плавность? Где лукавые смешинки? Зеркало превращается в портрет Дориана Грея, только причиной тому не пороки, а инертность и безволие, угасающий интерес к жизни.

Если ваш зеркальный близнец в одно хмурое утро просто взбунтует и не покажется вам? Заметите ли вы, что исчезли, что стерты с этой земли? Не противьтесь, если он скорчит недовольную мину, когда вы начнете обматывать вокруг шеи надежный шерстяной черный шарф крупной вязки. Просто верните с антресолей шелковую косынку с бабочками. Не злитесь на него – просто ответьте улыбкой на его улыбку (тот, кто сидит в пруду – помните??). Кто знает, может, тогда зеркало снова станет благосклонным, и даже в ноябрьском небе вы уловите отблески летней синевы?

Равновесие

Мы живем и снаружи, и внутри. К равновесию прийти сложно, всегда что-то одно побеждает, и хорошо, если внешнее становится лишь антуражем для внутреннего. И тогда можно идти под ледяным январским дождем, старательно огибая коварную гололедицу на тротуаре; передавать из рук в руки деньги, рецепты, чеки; смешивать порядок и хаос в случайных пропорциях. Это никак не мешает тому, что бьется и звенит в сердце. Хотя, конечно, когда свет и благодать, и тихая, теплая радость, и нежная задумчивость проникают сквозь щели и трещинки души, наполняя ее умиротворенностью, это всегда такое волшебство!

Нет случайных слов, книг, людей, взглядов, потому что каждая из «случайностей» немного разворачивает компас. Идешь той же дорогой, но солнечные лучи пробиваются сквозь листву, и потемневшие мостки через лесной ручей вбирают, впитывают, становятся чуть прочнее. И птицы не затихают, предупреждая об опасности, а меняют мелодию, отвлекая и позволяя проскочить опасное место, чтобы никто не схватил за край истрепанного плаща.

Ну и что, что от страха не избавиться, не отбросить его в сторону, не пнуть с дороги, разразившись в сердцах бранью, саднящей губы. Разве это веский довод, чтобы останавливаться? Разве что замедлить шаги, приноравливаясь к тяжести своих разноликих фобий. Вдох-выдох. И следующий шаг. Просто еще один шаг...

Старый город

Старый город надежно пойман в сеть электрических проводов. Он недоуменно смотрит на изгибы газовых труб, на уродливые коробки кондиционеров и самоуверенно торчащие тарелки спутниковых антенн. Он смиренно позволяет упрятать под бездушный пластик резные наличники, потемневшее дерево крылечек и глиняные стены.

Старый город отступает к реке, пробивает себе путь оврагами, заросшими камышом. Он уже знает, что проиграл битву со временем. Но он не исчезнет, он уснет. Все, все еще живо – и затейливая потолочная лепнина, и игрушки-узники двойных стекол, и скрипящие ступени деревянных лестниц на второй этаж, и весело гудящие печки.

Старый город хранит много секретов и много воспоминаний. Он достойно принимает свое поражение, но все же отыграется напоследок. И тогда тем, кто имел неосторожность поселиться в старинных купеческих домах, начнут мерещиться перешептывания и быстрые шаги прислуги. И проступят сквозь плотные глянцевые страницы современных справочников чернильные строки военных писем. И под дорогими атласными обоями покажется на миг стенка мазанки. И сожмется сердце в неясной тоске об утраченном навсегда...

Там, на неведомых дорожках...

Такие тропинки приводят к чудесам. Для этого необязательно знать, что за поворотом – всего лишь водонапорная башня или захламленный мусором тупичок, куда даже бродячие собаки отказываются наносить визиты. Для этого даже необязательно по этим тропинкам идти!

Нужно всего лишь остановиться на минуту, подслушать напевы весеннего ветра, нежные птичьи переливы и шум цветущих деревьев. Остановиться – и поверить, что там, за поворотом – покосившийся домик колдуньи с сиреневыми глазами, которая предсказывает погоду по улыбкам котов, а судьбу – по переливу солнца в ваших волосах. Нет, там, за поворотом – бескрайнее поле, в котором алеют маки, и переговаривается маленький народец, собирающий росу в крохотные корзинки, сплетенные из травинок. А, может, там, за поворотом, возвышается башня белого мрамора, и ее хозяин, мудрец и оборотень-дракон, уже готов поделиться многовековыми тайнами и знаниями? А, может, там просто тихий переулок с пряничными домиками, у которых веселых красок ставенки, деревянное кружево на скатах крыш и запах пирогов с яблоками, дразнящее вырывающийся на волю?

Такие тропинки обязательно приведут к чудесам, но только тех, кто бережно хранит эти чудеса в своем воображении...

К бабушке

Свернуть с привычного маршрута – значит, гарантировать себе встречу с чудесами.

В заброшенном дворе лесопилки – дорога, на которой сквозь серо-красную брусчатку пробиваются полевые травы. Легко представить себя героем-путешественником из средневековой сказки. Правда, выведет дорога нас не к пряничной избушке и не к заколдованному замку, а к настоящему дому на дереве. На раскидистых ветвях дуба – дощатые настилы (низко-выше-высоко), лесенки, тарзанка и сложные непонятного назначения конструкции. Пару минут любимся и мечтаем. Потом наклоняюсь и подбираю с земли желудь, приобщаясь к чужой игре и тайне.

Во дворе за низким заборчиком – котенок невероятной пушистости и кипельной белизны, оживший снежок посреди буйства осенних листьев. На наше заманчивое «кис-кис» из-за сарая степенно выходит его увеличенная копия: мама-кошка, абсолютно такой же пушистости-белоснежности. Ни единого пятнышка, смущающего совершенство этих двух созданий. Нежно трутся носиками, и мы, окунаясь в волны почти осязаемого мурлыканья, тремся носиками тоже.

На тротуаре рукой неведомого художника цветными мелками увековечена (до ближайшего дождя) колонна грузовиков. Розовый, синий, зеленый. Прорисованы мельчайшие детали – бампер, фары, ступеньки, даже подвески на зеркале заднего вида. Следуют друг за другом, везя неведомые грузы в свою нарисованную страну. Самый первый в колонне, повинуюсь логике тротуара, заворачивает за угол.

В синем небе таинственный пекарь разложил облака-пирожки. Встревоженная нашими шагами, в эту кулинарную смесь бело-голубого взмывает стая голубей, кружится, трепещ крыльями. «Мама, смотри, ураган из птиц!» У каждого свои образы.

Ну и, теплым финальным аккордом, наши уже любимцы-щенки. Выписывая приветственно-восторженные кренделя хвостами, кидаются навстречу. Попав под сражение горячего солнца и холодного ветра, надолго замираем, держа на коленях кутерьму мокрых носов, бархатных ушек и теплых пузиков.

Простая прогулка к бабушке. И – ни одного серого волка, зато столько сказок!

Улица моего детства

У каждой улицы, кроме официального, скучного названия, есть другие – которые каждый придумывает сам. Длинная улица, ведущая к школе, становится Веселой улицей, когда идешь по ней обратно домой. Улица сирени с пятью лепестками чуть позже становится Улицей самых вкусных слив. Улица игры в классики может превратиться в Улицу поиска сокровищ, в зависимости от того, чем сейчас увлечен. Улица весенних ручьев, она же – Улица первых рассказов, потому что по этим ручьям плыл воображаемый парусник с путешественниками, которые вели диалоги и восхищались красотами: горами-камнями, морями-лужами, а иногда прятались от страшных чудовищ-автомобилей.

Это Улица предвкушения праздника, потому что по ней, заснеженной, мы с сестрой везли тяжелые санки, нагруженные самодельными украшениями для елки. Это Улица бабушкиных историй, потому что по дороге она рассказывала о своей сложной, но такой увлекательной жизни. Это Улица перемигивающихся фонарей, ведь одной из вечерних забав было сощуриться и смотреть, как дрожат и расплываются огни, превращаясь в близкие звезды.

В юности эта же дорога становится Улицей того, кто ждет на углу. Улицей первого поцелуя, Улицей слез, и, наконец, Улицей того, с кем не хочется случайно столкнуться. Ну и что? Потом, под влиянием дождей, невидимые грустные таблички растворяются. И теперь, когда держишь в своей ладони маленькую теплую детскую ладошку, знакомая дорога превращается то в Улицу рыжего котенка, то в Улицу найденного красивого камушка, то в Улицу сбора каштанов.

Все эти названия наслаиваются друг на друга, то тускнеют, то разгораются ярче, вызывая улыбку или светлую грусть. Улица меняется. Вот на месте пряничного домика, выложенного цветной мозаикой, построили бездушную громадину серого камня. Вот, наконец, засыпали щебнем огромную лужу, глубину которой было так интересно исследовать в детстве и по которой так неудобно теперь перетаскивать коляску. Вот срубили любимую тютину, возле которой надолго задерживались и приходили негрityтами домой. Зато раскидистый клен на углу все также радуется своими золотыми листьями.

Из тайных имен складывается целая жизнь, и только сердце, глупое сердце продолжает стучать невпопад, когда попадетсся навстречу тот, с кем не хотелось случайно столкнуться.

Закливание ветра

Волшебник, насмешник, помощник, соблазнитель, игрок, возлюбленный. Он может быть кем угодно – только под глянцевыми обложками книг, плотно заключенный в клетку строк и запятых. В реальности же он – воплощение темных сил, разрывающий ночь в клочья. Наш городок, как цветок на открытой степной ладони, доверчиво принял гостя. И едва выстоял. Я не спала, я напряженно вслушивалась в завывания, в грохот железной калитки о камень (у меня не хватило мужества заставить себя подняться и пойти ее закрыть).

Утром мало что изменилось, разве под серо-голубыми переливами морозного рассветного неба немного отступил страх. От двери до калитки идешь, с усилием проталкивая себя сквозь густой, плотный поток. Это не воздух уже, это стена. Даже порывов не чувствуется, просто надвигается на тебя неотвратимая глыба чужеродного, бездушного, жестокого.

Несложно представить себя Ван Гогом, только не оттого, что тянет писать пейзажи, а оттого, что легко сойти с ума от ветра... Возвращайся к своим просторам, принеси нам, наконец, снег и уходи! Оставь нас, мы уже поверили, что слабы и беззащитны под напором взбесившейся стихии. Мы зажжем на окне свечи. Пусть их мягкие отблески пляшут на стекле, смиряя твой буйный нрав. Мы вплетем в твои сети последние осенние цветы, им все равно уже не поднять головы. Мы отдадим тебе песни, сны, желания, только уйди!

Волнение

Волнение – от слова «волна»? Какой же точный образ, как нельзя лучше передающий, что происходит внутри тебя. Где-то в области солнечного сплетения накатывают и отступают волны, от их вибрации расходятся по всему телу круги, ворочаются маленькие камушки, и сердце царапают крохотные песчинки. Отлив – и ты вроде как выдохнул, расслабился, поверил, что все миновало. Но вот пришла новая волна, и закружила, сбила с ног. Опять прерывается дыхание, и пытаешься выстоять. А внутреннее море все никак не успокоится, бурлит, набрасывается, будоражит. И только хочется верить, что когда-нибудь невидимые волны разглядятся под настойчивым влиянием здравого смысла или нежного баюканья, или торопливых увещеваний, или просто – под влиянием внешнего моря, на которое любишь, сидя на потрепанном полосатом пледе. Все пройдет, все успокоится. Останется на песке кружево пены или причудливо витая ракушка. Последний штрих, неловкое извинение за капризы внутренней погоды.

Июльское

Июльские дни похожи на нетерпеливых покупателей в магазине, где вдруг открылась вторая касса: азартно преодолевая препятствия, сбивая друг друга с ног, несутся наперегонки, чтобы первыми заявить о себе, выложив из корзины самые яркие, привлекательные, вкусные и полезные события и впечатления. От такого ритма слегка кружится голова, и сложно сосредоточиться. Какие списки и планы? На конвейере – пестрый ворох, только успевай поворачиваться!

И лишь потом, когда все пройдет, можно будет изучить чек и осознать, какой ценой все это далось и вспомнить, от чего осталась тяжесть, а от чего – приятное послевкусие. Что сломалось, а что продолжает радовать результативностью. А пока, нацепив дежурную улыбку, повторять «приходитекнамеще», а в редкие минуты передышки лакомиться сладостями из-под прилавка, и вспоминать, что это вот все – такой роскошный подарок: изобилие, пестроцветье, интенсивность, зной и синева, мерное покачивание волн и растущий список в ежедневнике, короткие перебежки от тени к тени и планы, плавно переходящие в реалии.

Июль – щедрый покупатель, он оставит сдачу в виде золотистого загара и легкого звона в ушах, многослойных сновидений и рыжеватого-голубых ракушек, которые потом, монохромным ноябрьским днем случайно выудишь из дальнего кармана сумки. И улыбнешься напоминанию о лете, когда все изменилось.

В своей стихии

До счастливого блаженства ехать ровно семь минут. Потом – две минуты преодоления, чтобы зайти в еще непрогретую воду. И все, я пропадаю. Растекаюсь, растворяюсь, и только солнечная сетка, преломленная через чуть зеленоватую воду, пляшет на руках, напоминая, что я всего лишь плову.

В своей стихии, как же это точно сказано! Я знаю девушку, которая абсолютно равнодушна к воде, но оживает в горах. Знаю ту, которой нужно обязательно походить босиком по траве. Знаю того, кому нужно вверх – на самолете ли, на воздушном шаре ли – лишь бы поближе к облакам.

А я чувствую себя абсолютно в своей стихии: в библиотеке или книжном магазине (бесцельно бродить меж стеллажей, читая аннотации и перелистывая новенькие, пахнущие типографской краской страницы – чуть ли не первый пункт в списке удовольствий); в окружении маленького круга близких, по-настоящему душевных людей; на ступеньках родного крыльца с видом на закат. И – в воде.

На пляже, несмотря на общее пространство, очерченное с нашего берега полоской сероватого песка, а с другого – зарослями камыша, из которых то и дело взмывают в небо серые цапли, каждый тоже в своей стихии. Я – плаваю. Неподалеку пузатый мужичок удит рыбу, размером и видом напоминающую серебряные монетки. Детка, вдоволь набегавшись по кромке воды и насобирав полный подол ракушек, бочком примостилась к мужичковой дочке с удочкой. И теперь, важная и взволнованная, тоже держит удочку, ожидая улова. С другой стороны от меня стройная блондинка, намазавшись кремом, подставляет утреннему солнцу то один, то другой изящной плавности бок, тщательно дозируя время. Невидимые за зарослями акации мальчишки гоняют по полю мяч, и их громкие крики разносятся над водой, тревожа чаек.

На том же поле щиплют траву невозмутимые белоснежные козочки, не обращая внимания на футболистов. Разве иногда скосят хитро глаз на прилетевший мяч, наподдать рогом, что ли?

Всех нас притянула река, но у каждого – свой мирок, свои цели, мечты и удовольствия.

На нежные худенькие плечики дочки золотистой пудрой опускается загар. Знак, что пора уходить. Мы собираем вещи, желаем мужичку с девочкой хорошего улова, замираем на секунду, следя за полетом цапли, бросаем завистливый взгляд на стройную блондинку и идем на поле, чтобы погладить козу по жесткой шерсти.

Солнечный жар набирает силу, впереди знойный, пыльный, обволакивающий, долгий день. А вечером вновь – семь минут езды до счастливого блаженства.

Дети ночи

Наше время теперь – ночь. Лишь когда солнце перезревшим яблоком падает за горизонт, мы осторожно выбираемся под спасительное покрывало медленно опускающихся сумерек. Воздух, пропитанный сладким ароматом истомившихся роз, еще осязаемо теплый, но уже можно в тусклом свете фонаря прыгать в классики на нагретой пластушке, возводить песочно-ракушечные горы, играть в «повезет-не повезет» с ежевикой (секрет, что лишь сладкие ягоды легко срываются, не всегда оправдывает себя). Детские голоса в темноте звенят особенно пронзительно, перекрывая сумасшедший стрекот цикад. Я собираю в подол сарафана яблоки, а невидимая небесная хозяйшкa ловит в ковш крупные августовские звезды. А потом, сонные, мы еще долго сидим на крыльце, и южная ночь бережно баюкает нас в своих бархатистых лапах.

Яблочное

Яблоки – самый волшебный фрукт. Хранящиеся всю долгую зиму, они несут в своем хрустящем, сладко-кислом, медово-ароматном содержимом память о прошедшем времени: о дурманящем аромате розоватых цветов, которые затем превращаются в зеленые ясельные яблочки-шарики, доверчиво подставляющие бока солнцу; о напоенных щедрым летним теплом августовских днях, когда ветви уже гнутся к земле под тяжестью вызревших плодов; о действе, ставшем из запретного дозволенным – можно залезть на дерево, чтобы сорвать упрямые плоды, не желающие падать; о прохладно-хрустальных сентябрьских сумерках, когда в саду стоит шелест-перестук паданцев.

Лимонно-желтые, рдяно-красные, леденцово-зеленые, крапчатые, полосатые, плотно жмущиеся друг к другу в тесноте ящичков и плетеных корзин, яблоки наполняют кладовые своими снами об ушедшем. А когда попадают в карман школьного рюкзака или в компанию к давно отложенной книге, или когда задорно шипят-брызгаются соком в духовке, или когда укладываются на сковороду узорными ломтиками во имя будущей шарлотки, яблоки отдают свои воспоминания, щедро делятся вкусом и ароматом, чтобы нам веселее было пережить долгие снежные месяцы.

Возвращение в тишину

Тишина – это не отсутствие звуков (как и молчание – не всегда отсутствие слов). Бывает, хочется остаться одному, посидеть в тишине, а потом отвлекают и раздражают то тиканье часов, то гудение воды в трубах. На осеннем пляже такого не будет никогда. Давно закрыты пивные беседки, из которых на всю округу разносился разудалый шансон. Не приходят к сцене отряды из школьного лагеря, разливая в воздухе нестройные песни. Не приезжают шашлычники, особым шиком для которых считается распахнуть дверцу машины и выпустить на волю все тот же шансон.

Нет, сейчас здесь ти-ши-на. Не отсутствие звуков, но звуки, в которых растворяешься сам или позволяешь им плавно проскальзывать в собственные ленивые мысли и ощущения. Шелест ветра в желтеющих кронах тополей, шуршание камыша, шорохи в придорожных кустах. Тихий плеск волн. Звон далеких колоколов. Деликатные крики редких птиц. И еще что-то, к чему невозможно подобрать слова: неясное, неуловимое, разлитое в остывающем, серебристом от тумана воздухе.

Досадуешь, что уединение прервано прибытием черного автомобиля. Но тут же невольно расплываешься в улыбке. Это наши старые знакомцы: папа-дочка-таксик. Летом они неспешно фланировали по кромке воды, девочка так и норовила схватить наш яркий надувной круг, таксик гордо уворачивался от попыток его погладить, а папа снисходительно наблюдал за этим с высоты своего роста. А потом они дружной компанией плескались в реке, щедро окатывая брызгами не успевших отвернуться.

Сейчас роли распределены по-другому. Бесстрашный папа погружается в серо-зеленые стылые воды, таксик настороженно обнюхивает растерявший краски песок, а дочка стоит с полотенцем наготове и что-то то ли напевает, то ли быстро-быстро рассказывает. На ней – модный стеганый жилет, крошечные розовые угги и шапка с помпоном, из-под которой задорно выбиваются льняные кудряшки. Она заботливо укутывает озябшего папу полотенцем, норовит прижаться к нему, не обращая внимания, что он мокрый. Таксик весело скачет вокруг, видимо, радуясь, что пытка холодом закончилась, и можно вернуться в прогретую машину.

И снова тишина. Только кажется, что безмятежную прозрачность вот-вот прервет металлический голос: «Осторожно, сезон закрывается. Следующая остановка – золотая осень».

Уезжаешь, не оглядываясь и не прощаясь, потому что знаешь – если вдруг захочется послушать тишину, есть, куда возвращаться...

У самой воды

Оставив за спиной веселую, пестроцветную и многоголосую кутерьму детского праздника, мы возвращаемся в заброшенные за холодный период владения. Здесь величественно и пустынно. И вновь расстилается под ноги бирюзовый ковер, сотканный из нежнейших водных переливов. И вновь открыта сокровищница: тешь восторженную детскую душу, горстями набирая перламутр и золото. И вновь, расчерчивая небесный купол белоснежными штрихами острых крыльев, летают чайки.

Мы ступаем степенно и величаво, но не выдерживаем, и вот уже срываемся на бег, и расходятся по воде круги от камешков, и возводятся недолговечные в хрупкой своей красоте песочные замки, и ловится на волшебную «удочку» из подобранной палки воображаемая золотая рыбка.

Впрочем, главное желание уже исполнилось. Медленно, под мерный плеск волн, уходит, утекает из души черное, иссушающее, отчаянное. Вымывается, смешивается с прозрачной слюдой, растворяется в пенном кружеве. И приходит покой и умиротворение. И душа наполняется светом и ласковым теплом.

Ловец снов

Вода прозрачная и видно, как на дне, чуть искаженные под нежной текучестью, переливаются камни – красные, белые, серебристые. Сферы и полумесяцы, ромбы и зигзаги. Мы бредем по щиколотку в воде и подолгу замираем, чтобы рассмотреть красоту под ногами.

Сад огромен. Деревья клонятся к земле, на ветках попеременно – благоухающие розы и бочкастые яблоки, сдобные булочки и хрустальные колокольчики, вызывающие песню ветра.

Вместо ограды – причудливые арки из облаков. Если сфотографировать небесные перекиды, то они навсегда застынут, как памятник фантазии. А в каменных нишах – подношения неведомым сновтворцам: ненаписанные книги, незавершенные акварели и недоплетенные кружева.

Но под порывом ветра возникают над садом огненные мосты. И все рушится, опрокидывается. И приходят черные полумаски, чтобы забрать то, что дорого сердцу...

...Я бреду по рождественской ярмарке, но не могу радоваться ни пестроцветью, ни чужим улыбкам. После таких снов на плечи опускается свинцовая тяжесть тревоги и беспокойства. И реальность воспринимаешь, будто пробиваясь сквозь мутную завесу.

А он покачивается на ветру, словно подманывая. Остановись. Посмотри. Задумайся. Хитрое плетение разноцветных нитей, несколько перышек – невесомое белое, игривое бирюзовое, кокетливое бежевое в крапинку. Шелковые ленточки и радужные бусины.

Вот. Вот что мне нужно сейчас больше всего на свете! Купить и повесить в изголовье, чтобы навсегда прогнать из снов темные силы. Просыпаться с мечтательной улыбкой и целый день летать на невидимых крыльях красоты и счастья.

Птица

Первое я нахожу в зарослях сорняков. Угольно-черное, грозящее, поневоле поднимешь голову, чтобы убедиться, не злой ли рок за неведомую провинность посылает стрелы на наши бедные головы. Но, нет, небо синее, беспечное, приветливое, невинное. А воронье кружит над дальним лесом, охраняя границы несбывшегося.

Второе попадает под ноги на соседском дворе. Искусственное, белое, с капельками серебристого бисера по краям. Словно выпало из плюмажа пажа, почтительно сопровождающего на бал степенно шествующую фею. Нет, мы, конечно, догадываемся, что чудеса живут совсем рядом, но все же вздрагиваем, обнаружив неоспоримое тому доказательство.

Третье рисует цветными мелками дочка. Синие, розовые, желтые частички мела смешиваются с крошками на отмостке, и из этого алхимического действия проступает выпуклое, живое, трепещущее на ветру.

Осторожно укладываю на ладонь: черное, белое, радужное. Дую легонько. Сегодня я – волшебница, я обещала. И вот, встрепенулась, повела тонкой шейкой, показала на минуту искрящуюся бусинку глаза. Правое крыло ее, угольно-черное, несет нам ночные сны, тягучие и закручивающие в спираль тайные желания, несказанные слова и непройденные пути. Левое крыло ее, белое с серебром, несет нам дневные надежды, легкость и прыгучесть, чтобы сотню дел одновременно и все, скользя, играючи, радуясь. А разноцветным хвостом, на котором несет все созвездия, улыбки и весенние краски этого мира, поводит осторожно, взлетая.

Долго кружит, выбирая направление. И вот, исчезает, растворяясь в ласковых объятиях встречных облаков. Вьется, льется, кружит нежной песней обещание. Вернусь, обязательно вернусь, обязательно прилечу к вам снова. Вплетайте ленты в косы. Пейте вечерние туманы. Улыбайтесь зеркалам. Рассыпайте щедро крошки сновидений и стихов. Ждите, распахнув сердца.

Сплетение

Солнечное сплетение. Переплетение ветвей. Оплетка для винной бутылки. Плетение кружева. Заплетать косы, пропуская сквозь пальцы шелковистый поток волос, неспешно, плавно, обдумывая день, текущий или ушедший, осознавая свои чары, глубину и гармоничность. Вплетать ленты, бусины или цветы – по настроению.

Плести венки, не особо задумываясь над движениями рук, но не переставая удивляться разнообразию цветочных красок и ароматов. Тихонько напевая или молча вслушиваясь в птичьи переливы. Наполнять сердце легкостью и безмятежностью летнего дня.

Переплестать крепко свои пальцы, тонкие и изящные, с его, сильными и чуть шершавыми, в страстном порыве, когда так сильно и безудержно желание стать единым целом. Или в приливе нежности, как тайный знак, мы вместе, рядом, рука об руку идем навстречу мечте.

Плести слова, то замирая и пытаясь облечь в оболочку текста неясные, смутные образы и переживания, то легко и непринужденно, когда тебя подхватывает и несет мощный поток вдохновения и наполненности.

Вплетать в пестрое покрывало жизни причудливый узор обыденных чудес, осторожно протягивая тонкие нити случайностей, чтобы не сбить, не спугнуть, не перепутать. С замиранием и восторгом наблюдать, как из хаоса рождается настоящий мир. Твой.

Шкатулка памяти

Воспоминания, проявленные в вещах (письма, фотографии, сувениры) должны храниться в закрытом доступе. По крайней мере, те, в которых намешано всякого и никогда не знаешь, что отзовется в сердце: кольнет ли льдинка застарелой обиды или распустится роза теплой нежности. Для таких воспоминаний нужны ключи, коды, заклинания. Иллюзия контроля, словно можно взять и по своей воле переписать прошлое, которое по факту уже никогда не изменить. Пусть таится в темноте и тишине, под плотной крышкой резных шкатулок и картонных папок. Поменять местами – сначала вспомнить, а уж потом достать и подержать в руках, посмотреть, поддаться волне запахов, звуков, красок, включить мысленную ретроспективу. Не наоборот – чтобы не застигло врасплох, не отбирало силы, которых пока так мало, чтобы делать каждый следующий вздох, чтобы смотреть в завтра, в котором только и осталось, что вспоминать...

Узорные фантазии

Кому незнакомо это чувство из детства, когда ищешь загадочные узоры и силуэты в сплетении нитей ковра на стене, или разводах побелки на потолке, или в застывших потеках краски на двери?

Заворожить и подтолкнуть фантазию мог простой, самый незамысловатый предмет. Можно часами рассматривать заветную вещь, позволяя мыслям скользить неторопливо. Именно в детстве, как никогда больше, мы умели наслаждаться сутью, смаковать мгновения, не подозревая, что годы спустя придется заново учиться этому, мучительно и упорно.

Может, поэтому мелочь из детства так волнует душу? Безделушки, с которыми связаны самые сокровенные минуты жизни. Ракушка с берега моря, мамина шкатулка с украшениями, керамическая статуэтка с бабушкиного подоконника, растрепанная отцовская книга.

Но самое удивительное, именно с годами приходит умение испытывать ностальгию, но без привкуса горечи, без сожаления о неотвратимости времени. Все эти мгновения живы, пересыпаны лавандой в дальних шкафах памяти и терпеливо ждут своего часа. Стоит услышать знакомую мелодию, уловить запах сирени, наткнуться на старую игрушку, и ты опять становишься ребенком, душа которого переполнена ощущением чуда и верой, что весь мир на ладони. Но теперь тебе еще дан волшебный дар – облекать воспоминания в слова.

Качели

Замок выглядит мрачным и неприступным, но я знаю потайной ход. С трудом пробираюсь сквозь густые заросли зачарованных деревьев, которые то и дело норовят схватить меня своими узловатыми ветвями. Потом открываю маленькую неприметную дверцу, поддающуюся с большим трудом. Осторожно крадусь по узкому проходу, заваленному досками и камнями. Тихо выглядываю за угол: в каком настроении сегодня хозяйка, кем она обернется – добродушной феей или злобной колдуньей? Никого не видно. Один стремительный бросок, и вот я уже взбираюсь на магическое изобретение, позволяющее мне преодолевать пространство и время, и видеть, что происходит в далеких землях. У меня вырастают крылья, ветер бьет в лицо и я, счастливая, смеюсь, поддавшись очарованию момента. И вот, слышу за спиной тяжелые шаги. Это мой самый злейший враг, маленький колдун со своим верным оборотнем. Он издает воинственный крик, но я успеваю отпрыгнуть и, задыхаясь от ужаса, спешу к заветной дверце. Прокочила! Теперь можно перевести дух и... поесть бабушкиных вареников с малиной.

Совершенно неважно, что «зачарованные деревья» в итоге оборачиваются подсолнухами выше меня ростом, «замок» – соседним домом, его «хозяйка» – родственницей моей бабушки, от которой мне было получено добродушное разрешение пользоваться «магическим изобретением» – качаться на их качелях. Периодически, правда, на нее, как говорится, находило, и она ссорилась с бабушкой и забирала приглашение обратно. «Далекие земли» становятся всего лишь соседскими дворами, хорошо просматриваемыми в полете, а «маленький колдун» – мой троюродный брат, который меня терпеть не может и бесится, что я качаюсь на его качелях. В роли «оборотня» выступает игрушечный стул, обитый плюшем, на спинке которого изображена медвежачья мордочка. Совершенно завораживающий меня предмет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.